

И. М. Иванов

Петр Великий. Его жизнь и государственная деятельность

Жизнь замечательных людей (ЖЗЛ от Павленкова)

И. М. Иванов

**Петр Великий. Его жизнь и
государственная деятельность**

«Public Domain»

Иванов И. М.

Петр Великий. Его жизнь и государственная деятельность /
И. М. Иванов — «Public Domain», — (Жизнь замечательных
людей (ЖЗЛ от Павленкова))

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

Введение	7
Конец ознакомительного фрагмента.	13

И. М. Иванов
Петр Великий
Его жизнь и государственная деятельность
Биографический очерк
С портретом Петра Великого,
гравированным в Лейпциге Геданом

Введение

У Отца отечества были, конечно, родители и предки, – те именно самые, на которых указывает “родословие царской фамилии”. Но со стороны наследственности физическая и психическая организация Петра до сих пор не исследована научно. Род Захарьиных-Романовых дал много воевод и сановников. Но они выдвинулись главным образом преданностью московским царям и ревностным служением православной церкви. Энергичный и устойчивый характер Филарета во многом уступает несокрушимой воле и широкому размаху могучих страстей Преобразователя. От кого наследовал Петр талант полководца, дальновидность политика, правдивость и гений великого исторического деятеля, – биографы не дают ответа. Но несомненно, что сила и направление его стремительной воли, не знавшей препятствий, могли вырабатываться только в условиях московского самодержавия. Для Петра “я хочу” сливалось с формулой “быть по сему”, образовавшейся исторически. Исходным пунктом власти московских царей послужила защита русской народности и охрана правоверия. С поворотом народной жизни от востока к западу самодержавие принимает формы европейской государственности.

“Тишайший” царь Алексей высказывал самое возвышенное представление о своих самодержавных правах: “Бог благословил и предал нам, государю, править и рассуждать люди свои на востоке и на западе, и на юге, и на севере вправду”. Но между желанием и исполнением лежала целая пропасть; действительность не мирилась с субъективным настроением царя: “Добрый Алексей, – пишет Мейерберг, – находится совершенно в осаде у своих вельмож и любимцев, так что никому нет к нему доступа. А эти любимцы скрывают от него вопли угнетенных ими, и нужды царства, и поражение войск русских; если же не скрывают, то представляют все в таком виде, как это нужно для их целей”. Царь терял связь с народом, с русской землей. Был момент, когда московское самодержавие перерождалось в восточную деспотию. Но обожествления человеческой личности, на какой бы высоте она ни стояла, не допускало натуральное мирозерцание славян и сущность христианского вероучения. Мистификация была невозможна также вследствие международного положения государства. Москва слишком близко придвинулась к западноевропейским культурам.

Право, как известно, не существует искони, а образуется во времени, не субъективным произволом людей, а объективным процессом жизни народов. От первоначальных условий зависит судьба каждого исторического движения. Остановимся поэтому на главных моментах эволюции московского самодержавия, которое впоследствии преобразуется в высшие формы государственности.

Татарское иго перенесло центр политической жизни Руси с запада к востоку. Экономический достаток московских князей образовал ядро новой государственности. Князья-помещики, князья-хозяева прежде всего заботились о том, чтобы умножить свои имения и обратить их в наследственную вотчину. Они с одинаковым искусством пользовались деньгами, родственными связями и политическими обстоятельствами. Как князья православные, они являлись центром объединения Русской Земли; собирая же ордынскую дань, московские князья, слуги татарского хана, округляли свои вотчины владениями удельных князей и северной вольной Руси. С ростом государства росла и политическая власть. В то же время древнерусская проповедь и письменность подготавливали умы к восприятию новых политических начал. “Цари и князья, – внушали пастыри, – не должны предавать стадо Христово на расхищение зверям, то есть иудеям, эллинам, еретикам, отступникам и всем неверным”. Заимствуя примеры и идеи из ветхозаветной и византийской литературы, православные публицисты создают теорию русского царства.

После флорентийской унии великий князь Московский является в новой роли блюстителя правоверия и назван “царем истинной веры православия”. Великий князь Василий

так формулирует свои самодержавные стремления митрополиту Киприану: “Вы поставлены к миру и любви учить, мне же имяние собирать и возноситься”. Иван III титулует себя “Божией милостью единый правый государь всея Руси и самодержец”. С приездом Софии Палеолог он принимает, по преемству от византийского императора, герб двуглавого орла, устанавливает придворный этикет и обычай венчания на царство торжественным церковным обрядом.

Передача власти всех одному происходит почти бессознательно, в силу потребности самосохранения и охраны православия от внешних врагов: татар, поляков, шведов, немцев. Государственное тело росло, крепло, развивалось и распространялось по направлению меньшего сопротивления: теряли вольность Псков и Новгород, покорялись Казань и Астрахань, завоевывалась Сибирь, возвращались Литовские земли, присоединялась Малороссия. Самой элементарной, но и самой главной потребностью оставалась потребность национальной защиты и политического роста. Международные столкновения развивают внутреннее строение. Политические отправления налагают некоторые ограничения на свободу граждан и поселян. Сложное сотрудничество, то есть разделение труда, благодаря которому только и возможно общество и развитие военной силы, получает организацию принудительную и приказную. По мере роста социального организма ослабевают прежние кровные связи между особями, опека рода над личностью; уничтожаются первоначальные природные подразделения; мелкие местные общества соединяются в более крупные. Самодовлеющая организация отрицает всякое независимое сотрудничество, всякий другой свободный союз. Все сословия призываются на службу государства. В XVI столетии московское правительство еще не установило этого правила, но историческая действительность уже подготовила материальные условия для его установления.

Так, отдельные слои населения, посредством “службы”, “тягла”, “крепости к земле”, становятся полусвободными сословиями Московского государства.

Царствование Иоанна IV представляет собой кровавую страницу борьбы власти с московской аристократией и окончательное поражение последней. Грозный повелел “хотение свое творить от Бога повинным рабом”, которые “по Божию повелению не должны отметаться своего работного ига и владычества своего государя”. Он с негодованием отвергает всякое значение избранной рады, так как, по его мнению, российские самодержцы “изначала сами владеют своими царствами”, и государь не может называться самодержцем, “если не сам строит”. В том же смысле он писал Курбскому: “Тщуся со усердием люди во истину и на свет наставить, да познают Бога истинного и от Бога данного им государя”.

Смутное время опять выдвигает на историческую сцену понятные и дорогие для массы интересы народности и православия, которые осуществиться, по народному воззрению, могли только в конкретных и универсальных формах московского самодержавия.

Для избрания царя земские люди собрались в Москве – традиционном центре политической жизни России. Знатные бояре не однажды, в годы малолетства царей и междуцарствия, захватывали верховную власть в свои руки; они и теперь не упускали случая приобрести первенствующее значение в государстве. При избрании на царство шестнадцатилетнего Михаила Шереметев пишет к князю Голицыну: “Миша Романов молод, разумом еще не дошел и для нас будет поваден”. У народа были, конечно, свои соображения. В его сознании свойство кровного родства отождествлялось с правом, имевшим историческое происхождение. “Избрали люди и все православные на Московское царство царем от царска роду, царя Федора Ивановича племянника”, – говорится в псковской летописи; то же самое и в летописи Никоновской и о мятежах. Имя Романовых было особенно популярно в народе: Анастасия из их рода – первая жена Иоанна IV; о Никите Романовиче в народе говорили, что он спас многих от гнева и казней Грозного; были свежи предания и о страданиях семейства Романовых при царе Борисе; наконец, поведение Филарета в деле посольства, его пленение придавали ему значение “мученика за веру и за русскую землю”. Избранный в цари народною волею, Михаил Федорович во всех важных делах совещался с боярами, духовенством и земскими соборами.

При Алексее Михайловиче самодержавие достигает высшего развития, подчинив духовное сословие светскому суду и власти. Личные качества царя, в особенности богословская начитанность, обеспечивали за ним полное торжество при столкновении со своим равным патриархом. Но Никон является только выразителем притязаний всего духовного сословия. Гораздо раньше представители церкви проводили в своих посланиях ту мысль, что авторитет священнослужителей выше государственного авторитета. Так, в поучении митрополита Алексея сказано: “А людская чадь Бога бойтесь, а князя чтите, а священство имейте выше своей главы со всяким покорением, без всякого прекословия”. То же самое говорит и Никон; его тон страстнее, речь воодушевленнее, потому что он имеет дело с конкретными фактами возвышения самодержавия. Но, не добиваясь возвышения патриаршего престола, Никон в то же время не мог признать подчинения церкви государству.

В борьбе с древнерусской церковью самодержавие нашло для себя поддержку в греческом и, в особенности, малорусском духовенстве. Когда потребовалось переводить Священное Писание, московские ученые книжники “находили еретический смысл там, где встречались грамматические особенности и непонятное для них значение слов”. Пришлось обратиться к чужой помощи: техническая сторона церковной реформы поручена ученому Славинецкому и другим киевским монахам.

Старообрядцы, оставшиеся верными местному преданию, признаны были не только раскольниками, но и государственными преступниками. Их пытали жестокими муками, чтобы выведать учителей; наказывали кнутом и ссылкой каждого, кто укрывал их. Заведомых раскольников казнили или жгли в срубах, а пепел развеивали по ветру. Старообрядцев власть покоряла авторитетом легального духовенства и обновленной церкви, а над самим великорусским духовенством возвышалась авторитетом учености киево-малорусских монахов.

“Вы, новые мудрецы, – писал о них Дамаскин, – выучите по-латыни b, c, d или немного более этого, да и величаетесь; других унижаете, всякий сан, и архиерейский, и священнический, ни во что вменяете, людей искусных в Священном Писании обзываете неукнами и невеждами”.

Но правительство предпочитало “новых мудрецов” старому, но невежественному московскому духовенству.

Таким образом, церковная реформа шла в руку государственному началу и была новой ступенью возвышения московского самодержавия.

Около того времени приехал в Москву славянский публицист Юрий Крижанич, с намерением потрудиться в России для своей любимейшей идеи всеславянства. “Ты единый царь, – говорит он Алексею, – ты нам дан от Бога, чтобы пособить и задунайцам, и ляхам, и чехам, дабы познали свое угнетение и унижение, помыслили о своем просветлении и сбросили с шеи немецкое ярмо”. Крижанич указывал на необходимость преобразований, предвосхитив, таким образом, своей программой многие из будущих реформ. “Мудрость, – пишет он, – переходит от народа к народу~ Теперь пришло время для нашего народа учиться; Бог возвысил на Руси такое славянское государство, какому подобного не было в нашем народе в прежних веках; а мы видим у других народов: когда государство возрастет до высокой степени величия, тогда и науки начинают процветать в народе”. Но воззрения пропагандиста на единую церковь Христову и желание “мирить греков и римлян” вызвали преследование сильных мира сего: с Крижаничем расправились бесцеремонно – сослали на жительство в Тобольск.

Религиозные отношения оказались бессильными связать одноплеменные народы. Деятельное и живое общение Москвы с Западом развилось на почве интересов экономических и политических. Семь веков мы прожили вне общечеловеческих влияний! Органический рост продолжался слишком долго: весь удельно-вечевой и московский период. Москва свергла татарское иго и наследовала внешний блеск Византии, но по своему внутреннему строению осталась самобытным государством, с явно выраженными признаками военного типа. Мирные

поселяне, живущие в общинно-трудовом укладе, никогда не могли понять интересов государства и протестовали бунтами, бегством в казачество, переходили в раскол или колонизировали новые земли.

Много было горючего материала в самой Белокаменной; рядом уживались разнообразные общественные элементы: холопы и бояре, кабальные, вольные люди и приказные, посадские и именитые гости, раскольники и никонианцы. Низшие классы находили исход из бедности и угнетения только в пьянстве да грабеже. Знатные бояре, как владельцы феодальных замков, разбойничали по проезжим дорогам и из своих хором, обнесенных высоким тыном, выпускали на прохожих псов и вооруженных холопов. Случалось, что стрельцы, по самым ничтожным поводам, шли войной на солдат Немецкой слободы: тогда на мирных улицах и площадях первопрестольной разыгрывались настоящие сражения с рукопашной схваткой и пальбой из ружей и пушек. Нередки были бунты и мятежи в Москве. Шумные волны бушующего народа достигали Кремля и царского дворца. Толпа требовала от царя смены временщиков, – “иначе народ погибнет вконец!” Правительство делало уступки, отставляло провинившихся и назначало новых лиц на место их, но порядок дел оставался прежним. В массе постоянно держалось недовольство и глухой ропот на приказное правление, которое слыло под названием “московской волокиты”. Пожары, разбои и волнения – обычные народные бедствия того времени.

“Общее недовольство сословий, – пишет Устрялов, – заметное в последние годы царствования Михаила Федоровича, разразилось, по воцарении сына его, страшным бунтом в Москве, Новгороде, Пскове и других городах. Вскоре после того вспыхнул бунт коломенский; там поднялся на Дону Разин; тут взволновалась Малороссия. Даже мирная обитель Соловецкая возмутилась”.

Между народом и государством существовал постоянный антагонизм. Сила Русской Земли сконцентрировалась, как в фокусе, во власти главы государства, но московская форма не была верным выражением народной жизни. Причина ясна: интересам земли не отвечали порядки, продиктованные политическими потребностями. Когда Московское государство вошло в политические сношения с Западом, сами собой возникали сравнения русских порядков с иноземными и явилась потребность в новых средствах национальной самозащиты.

Россию с культурными народами сближали ранее других представители торговли и промышленности, а затем – путешественники и ученые, обладающие страстью к географическим открытиям или приезжающие в Россию с политическими намерениями и предложениями.

Медленно, но непрерывно завязывались торгово-промышленные сношения между русскими и иностранцами. Мало-помалу англичане забрали в свои руки всю внешнюю торговлю Московского государства. Русские торговцы из разных городов подали царю Алексею челобитную, в которой умоляли “не дать им, природным государевым холопам и сиротам, быть от иноверцев в вечной нищете и скудости”, иноземцы смеются над русскими купцами: “Мы их-де заставим торговать одними лаптями”. Правительство принимало меры против свободной торговли иностранцев, покровительствовало национальной промышленности, вызывало из-за границы мастеров и заводчиков, но своим подданным не разрешало свободного выезда из пределов государства.

За границу ездить “не поволено!” кроме как по царскому указу да по торговым делам. Духовенство опасалось, что православные, “узнав тамошних государств веру и обычаи, начали бы свою отменять и приставать к иным”. За тех, которые торгуют за границей, собирали “познатных нарочитых людей поручные записи, за крепкими поручками”. А кто был за границей без проезжей грамоты, того, “пытавши, казнили смертью”; когда же оказывалось, что он ездил действительно по торговому делу, то били только кнутом, “чтобы иным неповадно было” (“Уложение”, VI, 40).

Но “новшества” проникали в жизнь силой вещей. Предметы удовольствия и удобств жизни допускаясь во дворце и домах московской знати; наибольшее распространение при-

обрели часы, музыкальные инструменты, немецкие платья, картины, заграничные экипажи. Среди бояр выделялось несколько западников: Матвеев, Ордын-Нащокин, Ртищев. Тем не менее старая московская партия была еще сильна и крепко стояла за национальную обособленность и косность. Сохранился указ “о неношении платья и нестрижении волос по иноземному обычаю”, данный в последний год царствования Алексея Михайловича (Полн. собр. зак., № 607, августа 1675 г.). Но распоряжение патриарха и происки старой партии являлись теперь, что называется, отрицательной пропагандой новшеств. Через запрещение желание обладать удобствами жизни не уменьшалось, и никакими средствами нельзя было уничтожить раз проникшие в жизнь представления о культуре. Неудовлетворенные потребности становились страстнее и интереснее, – вот причина, почему поток нововведений проявил особенную силу и стремительность, когда снесена была плотина запрещений.

При царском дворе уже служили иностранцы: доктора, аптекари, окулист, алхимик, переводчик, часовых и органных дел мастера и пр. – под ведомством аптекарского приказа. Государственные потребности и, в особенности, ратное дело требовали участия в русской службе иностранцев: офицеров, артиллеристов, инженеров и разных мастеров. При Алексее Михайловиче, по настоянию духовенства, все иностранцы, разных национальностей и исповеданий, выселены были из Москвы на окраину города, в особую слободу, прозванную Немецкою: здесь обитали представители разных ремесел и искусств, принадлежащие к различным национальностям.

Когда Московское государство готово было выйти из национальной замкнутости и отчужденности, тогда оно встретило враждебное отношение к себе соседних государств – Польши, Швеции и даже городов Дерпта, Ревеля, Любека и др. Мотивы его откровенно формулированы еще в 1567 году королем польским Сигизмундом в письме к королеве английской Елизавете: “Дозволить плавание в Московию воспрещают нам важные причины, не только наши частные, но и всего христианского мира и религии, ибо неприятель от сообщения просвещается и, что еще важнее, снабжается оружием, до тех пор в этой варварской стране невиданным; всего же важнее, как мы полагаем, он снабжается самими художниками, так что, если впредь и ничего не будут привозить ему, так художники, которые при таком развитии сообщений легко ему подсылаются, в самой той варварской стране наделают ему всего, что нужно для войск и что доселе ему было неизвестно”.

Противопоставление самодержавия народной жизни, с одной стороны, и политическим организациям Запада, с другой, не могло не оказать реакции на сознание главы государства и расширить содержание московского самодержавия постановкой новых целей для государственной деятельности.

Все цари от Иоанна III до Алексея Михайловича высказывали о своих правах в сущности одно и то же, варьируя только выражения: московский царь – единый православный царь всей Русской Земли. Таково сознание самодержцев – традиционное и идеальное, приподнятое внушением духовенства над фактическими отношениями. Их самосознание было больше созерцательным, чем деятельным, конкретной формой религиозного и племенного самосознания, замкнутым, устойчивым, передаваемым почти без изменения из поколения в поколение, по традиции. В законе не было еще определения прав самодержавия. Власть отождествлялась с субъектом царя, право – с благочестием и нравственностью. Перемена в экономических и международных отношениях производит кризис в национальном самосознании. Созерцательность, призрачность, самодовольство сменяются сравнением, критикой и, более или менее, сознательной и целесообразной государственной деятельностью.

Внешние отправления – то есть политика – и внутренние процессы – то есть социальная жизнь – государственного организма могли быть примирены и согласованы только такими началом и формой, которые, удовлетворяя материальным нуждам народа, в то же время уве-

личивали бы политическую силу правительства: это начало – культура, эта высшая форма – промышленное государство.

Накопление знаний, в начале богословских, и постоянное сношение с представителями церкви на Западе и Востоке указали на необходимость церковных исправлений. Реформа, в своем зачаточном виде, уже определяла направление и весь дальнейший ход преобразования: во-первых, местное предание упразднено было государственной властью, во-вторых, реформа не коснулась догматов религии, а ограничилась только внешней стороной – обрядностью, знаком, буквою, то есть техникой исповедания. То же самое и в государственной жизни. Древнерусские столпы: народность и православие, – остались не поколеблены прочным базисом национального развития. Но экономические нужды и требования политического самосохранения и роста создали потребность в западной технике, искусстве и науке. Хозяйство, войско, управление стали организовываться по западноевропейским образцам и под непосредственным влиянием иностранцев. Так, при Алексее Михайловиче, в одном 1661 году, вызвано было из-за границы до 400 иностранцев, а при его сыне Федоре устроено до 63 полков по иноземному образцу. Под влиянием западничества деятельность правительства усложнилась – и если не было еще сознательной постановки внешних целей для правительственной деятельности (ранее господствовали преимущественно интересы религии, расы и нравственности: Алексей Михайлович хотел “править правду”), то теперь на очереди стали новые функции государства: социальные, культурные и политические. Никогда в столь короткий промежуток времени не производилось такого множества перемен. Первое место, конечно, принадлежит церковной реформе и устройству ратного дела; было сделано несколько попыток развития путей сообщения и внешней торговли. При царе Федоре уничтожены “разрядные книги” и местничество; наконец, созван собор “для уравнивания людей всякого чина в платеже податей и в отправлении соборной службы”. Но потребности внутренней международной жизни настоятельно требовали не исправления каких-либо отдельных отраслей управления, а более важных, коренных преобразований государственного строя и народнохозяйственного быта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.